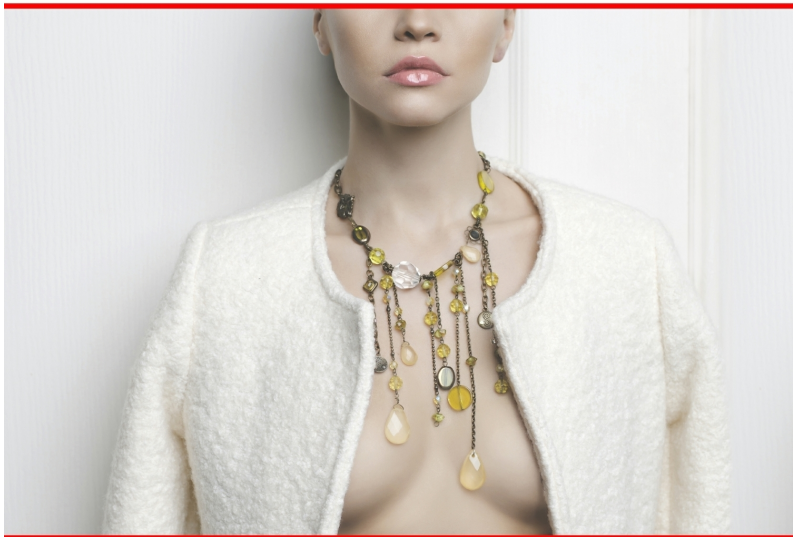


?



Щекотка

Елена Стриж

18+

Елена Стриж
Щекотка
Серия «Розовый бархат», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43641404

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09444-4

Аннотация

Все началось с того, что младший брат героини утащил ее одежду, пока она купалась. Возвращение домой голой оставило отпечаток чувств, которые превратились в фантазии. Она повзрослела, но воспоминания всегда манили, и она... Для того чтобы узнать, что произошло, надо прочитать начало этой истории.

Содержание

Предисловие	4
Щекотка	6
1	6
2	21
3	29
4	38
5	51
6	59
7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Предисловие

«Любовь есть единственная разумная деятельность человека»

(Л. Н. Толстой)

С точки зрения науки **Эксгибиционизм** (лат. *Exhibeo* – *выставлять, показывать*) – форма отклоняющегося сексуального поведения, когда сексуальное удовлетворение достигается путём демонстрации половых органов незнакомым лицам.

Возникновение эксгибиционизма как явления связано с распространением постоянного **ношения одежды** и сопутствовавшему ему **представления о постыдном** характере наготы.

В культурах, где нагота не считалась постыдной, эксгибиционизм не наблюдается. В западной цивилизации его появление связывают с распространением **пуританской идеологии**, которая **подавляет** сексуальность.

В животном мире демонстрация эрегированного полового члена имеет вполне определённый коммуникативный смысл: это жест вызова, агрессии, готовности к нападению,

он символизирует силу и власть. Аналогичные явления имеют место и в человеческом обществе, об этом говорит распространённость и значение символических фаллических жестов (кукиш, фак и т. д.). Н. Mester объясняет эксгибиционизм реликтовыми инстинктами, которые побуждают человека к самоутверждению, демонстрации значительности собственной личности путём фаллической демонстрации.

Читайте и делайте свои выводы.

«Без любви жить легче, но без нее нет смысла» (Лев Толстой)

Щекотка

1



– Если узнаю, что опять ходила на речку, выпорю! – так мама каждое утро говорила Вере. – Тебя это тоже касается, – обращалась она к ее брату.

А что делать летом в деревне, если не ходить в лес, не играть и не купаться. Ну вот что? Маринка на пару дней уехала в город, Светку бабушка наказала и теперь та окучивает

огород. Вера, оттолкнув младшего брата, села у окна и стала строить свои коварные планы на день. Лешка, ее брат, сейчас убежит к Витьке, что живет через дом. Они уже третий день строят за сараем свою крепость. Но ей с ними неинтересно.

Вера покрутилась и, дав подзатыльник Лешке, пошла в огород.

– Мамка говорила не купаться! – крикнул он ей в след.

– Отстань.

– Расскажу.

– Получишь у меня. Понял! – и даже не взглянув на брата, открыла калитку и перешагнула запретную черту.

– Все равно расскажу, – донесся его голос, но Вера уже не слышала его.

Она перемахнула через картофельные ряды и быстрым шагом скрылась в кустах. До речки идти не так уж и далеко, надо свернуть налево, через огороды баб Клавы. Можно и тут пройти, но здесь вдоль берега рос непроходимый камыш, а ей нужно добраться до поворота, а после под мост. Он вообще выглядел странно: кругом поля и лес. Куда дорога вела, а кто его знает, кажется, по нему никто и не ездил, разве что раньше, когда был колхоз.

Вера прислушалась. Тишина, только стрекот кузнечиков и смешные стрекозы, словно маленькие вертолеты, зависали над водой, кружились и резко улетали обратно в лес. Она уже много раз приходила сюда. Ее никто не застукает, да и некому. Присела на бревно, опустила ноги в воду и стала слушать,

как вода журчит. На душе что-то щекотало, она передернула плечами, покрутила головой из стороны в сторону и, быстро поднявшись, стала раздеваться.

Чтобы мама не узнала, Вера снимала все, что на ней было и, осторожно ступая, погружалась в воду. Так тихо. Она закрывала глаза и, раскинув руки в стороны и стараясь держаться на воде, спокойно плыла по течению. «О чем там Маринка говорила? – думала девочка, щурясь от яркого солнца. – Вроде ей книжки привезли, надо взглянуть». В прошлый раз они вместе читали про Людовика, несколько глав не было, кто-то умудрился их вырвать. Но это не помешало девочкам повздыхать и представить, каково это – жить в замке.

Вера несколько раз нырнула, заплыла под ивы. Но там, как и в прошлый раз, ничего не было. Одной купаться скучно, она еще немного поплавала и решила вернуться домой. Но как только вышла на берег, тут же замерла от ужаса. Ее одежды не было.

– Козел, – первое, что успела сказать она. – Поймаю, отлуплю.

Вера завертела головой в поисках платья, но его не было, так же как трусиков и даже сандалий. Она взвыла от гнева на своего брата. Он давно обещал, что если она будет купаться, то стащит ее одежду. Ну кто еще мог на такое решиться, только Лешка.

– Отлуплю! – крикнула она. – Верни обратно!

Но ответа не последовало, будто вещи просто испарились. Она не боялась купаться голышом, но остаться без одежды – это уже другое дело. Не то страх, не то гнев, не то ужас овладел ею. Она быстро вернулась в речку и, продолжая вертеть головой по сторонам, старалась найти выход из положения.

Может Лешка забросил вещи в кусты. Пришлось снова выйти из воды. Она озиралась по сторонам, будто ее могли тут увидеть. А кто тут вообще ходит? Так, старики на покос, да иногда горожане, что ходят в лес по грибы. И все же Вера боялась, что ее засекут, а еще осмеют мальчишки. В животе все сжалось, ноги с трудом слушались, а сердце так и тарахтело, как у дядь Паши его мотоцикл.

Вера под самым мостом вышла на берег, прижимаясь как можно ниже к земле, словно кошка на охоте. Уши улавливали любой шум, треск сучьев. Она замирала, медленно поворачивала голову на шум и, убедившись, что ей ничего не угрожает, двигалась дальше.

Сколько раз она тут бегала, но сейчас на ней ничего нет. Ужасное состояние быть голой. Ее глаза пристально всматривались в кусты, выискивая розовое пятно платья, но его не было.

– Поймаю, отлуплю, – шептала она и продолжала двигаться дальше.

Так Вера шаг за шагом обследовала берег, все пространство под мостом, даже высунула голову из-за моста, но ее одежды нигде не было.

– Дурак, козел противный. Что мне теперь делать? – чуть ли не рыдая прошептала девочка и опять спустилась под тень моста. – Лешка, верни! – на всякий случай крикнула она, но ответа снова не последовало.

Мысли вернулись из прошлого, тихо пиликал стационарный телефон, лампочка, мигая красным цветом, сообщала, что вызов идет от секретаря.

– Да, – спокойно сказала молодая женщина.

– Вера Степановна, к вам на собеседование пришли.

– Хорошо, пусть проходят.

И тут же отключила громкую связь. Вот уже четвертый год она работает начальником отдела кадров на мебельной фабрике «ТриЯ». Почти целый год потратила на то, чтобы хоть как-то навести порядок с тем бардаком, что творился с документами. А после поставила ультиматум: либо она уходит, либо ей расширяют полномочия в работе, включая самостоятельный прием, а также увольнение за нарушение трудовых контрактов. Руководство видело только часть производственного цикла: выставки, контракты, показатели оборотов. Но они не очень вникали в вопросы кадров. А тут как раз было на что смотреть.

– Можно? – постучав в дверь, заглянула уже в возрасте женщина.

– Да, проходите.

У нее на столе лежали заявки на подбор сотрудников: бух-

галтер, крановщик, водитель электрокара, два разнорабочих и сотрудник в делопроизводство, старого она лично уволила за безграмотность.

– Вот, – женщина протянула стандартный бланк-анкету.

– Хорошо, давайте сразу перейдем к делу, – Вера не любила сюсюкаться, некогда, слова излишни. – Как у вас с русским языком?

– В школе была пятерка, но время...

– Понимаю, вот вам тест, в вашем распоряжении десять минут. Прошу, присаживайтесь и начнем.

Женщина присела и без лишних слов стала вносить в пробелы буквы. Вторым тестом была скорость печати и знание программ, с которыми ей придется иметь дело. Вроде простая должность, но Вера Степановна устала отказывать. Двадцать пять претендентов и все пустышки. Только последняя оказалась той, которую она приняла на работу. Смешно сказать, но к ней приходили преподаватели русского языка, и безграмотность пестрила. А вот эта девушка по национальности татарка, просто умничка, ни одной ошибки. Вера даже не поверила, когда просматривала ее тест.

Девочка злилась. Она вернулась к реке, озираясь по сторонам. Зашла в воду и уже нехотя поплыла. Деваться некуда, Лешка забрал ее вещи. Наверняка теперь, улюлюкая от радости, мчится по огородам домой. Но что ей делать? Она медленно плыла вдоль зарослей ивы. Еще немного, и пойдут

камышы, а у них листья острые, могут и порезать.

Захотелось вернуться обратно под мост, может вещи там? Но Вера знала точно, что нет. Опять в душе промелькнул страх, и сразу стало холодно. Выйти, а что дальше? Вера не знала что делать. Осторожно подплыла к камышам и ступила на глинистое дно.

– Бе... – поморщилась девочка и, выпрямившись, покосилась на противоположный берег.

Стараясь не повредить ступни, она стала пробираться через камыши. В какой-то момент даже забыла, что голая. Жесткая трава кололась, откуда-то взялись слепни и как истребители стали кружить над ней.

– Пошли прочь, – отмахиваясь от них, прорычала Вера и продолжила свой опасный маневр среди высокой травы.

Минут через десять она миновала непроходимые, как ей раньше казалось, береговые заросли, а дальше начиналось самое опасное. Она опять съежилась. Чувство стыда, будто на тебя уже смотрят множество глаз и о чем-то там шушукуются. Ком в горле не дал ей заплакать, она как можно ниже присела и стала всматриваться в небольшую поляну, что разделяла камыши от огорода бабы Клавы.

– Вроде никого, – тихо, словно ее мог кто-то услышать, сказала Вера и, стараясь держаться как можно ниже, двинулась дальше.

Ее слух улавливал далекие голоса, лай собак, мычанье коров и рокот трактора. Ей надо было только добежать до кар-

тофельного поля, а там высокая ботва. Но эта поляна ее пугала. Вера встала на коленки и, быстро перебирая руками, тронулась дальше.

– Лишь бы никто не увидел, лишь бы не увидел, – постоянно твердила она, прижимая тело все ниже и ниже.

Еще немного, и она будет спасена. Двигалась словно по минному полю, страх, холод, ужас, но надо добраться до картофельного поля.

– Прибью, – вдруг вспомнила Вера, кто виноват в том, что она ползла на корячках.

Еще несколько метров. Она приподняла голову. Никого. Вера быстро юркнула между рядами и, растянувшись на теплой земле, замерла. Сердце трепыхалось как у загнанного собакой кролика.

Вера Степановна прочитала докладную на очередное горе-секретаршу. На эту должность ставили в основном по благу, знакомый знакомых или просто чьих-то дочек. Вот только они забыли, что это все же работа, которая изначально подразумевает большой спектр знаний.

– Пригласите Светлану из отдела логистики, – сказала она по громкой связи.

Милая девочка. Она ее видела несколько раз, грамотная и знает программы и технику, но скорость работы ужасно медленная.

– Здравствуйте. Можно? – в дверях появилась девушка,

ну прям с обложки.

– Проходи. У меня к тебе вопрос, что происходит?

– Не поняла.

– Хорошо, садись за стол, вон компьютер, зайди через удельный стол на свой компьютер и покажи, как ведешь работу с почтой.

– Ага, – по-свойски сказала Светлана и, лихо сев в кресло, неестественно выгнула пальцы.

– Стоп! Это что у тебя такое? – Вера Степановна быстро подошла и посмотрела на ее ногти.

– Нельзя? – чуть стушевавшись, спросила девушка.

– Ладно, вот текст, – она тут же достала бланк, что применяла для сотрудников делопроизводства и сказала. – Время десять минут. Если успеешь все напечатать, оставляешь ногти, если нет, то два выхода: или приводишь в порядок или растянемся.

– А.. а.. мне разрешили.

– Я не разрешаю. Итак, печатаешь в два раза медленнее – и зарплата в два раза меньше. Согласна?

– Я постараюсь.

– Уж попробуй. Все, время пошло.

Вера ползла как партизан, старалась делать это как можно осторожней, чтобы даже ботва не шевелилась. Изредка поднимала голову, чтобы убедиться, что баб Клава все еще в палисаднике. Она хоть и туга на ухо, но глазастая, все увидит.

Еще немного, и будет тропинка между картофельным полем, а если ей удастся незаметно подползти к забору, то еще чуток, и пойдут кусты малины. Вера не спешила, тут главное – выдержка. Она даже забыла, что злилась на брата и что ее голый зад изредка поднимался над ботвой.

Набравшись смелости, она быстро перебежала и сразу замерла. Никто не окрикнул, значит пронесло. Сердце так и стучало: тук-тук, тук-тук.

– Фух, – выдохнула Вера и, озираясь по сторонам, шмыгнула в кусты.

Осталось немного, но надо преодолеть еще одно опасное препятствие. Между домами был огород, который делил пространство надвое. Но вот со стороны улицы все было открыто, только редкий забор. Но он ее точно не прикроет.

– Блин, – тихо прошептала Вера и выглянула из-за кустов.

Какой-то мужик прошел мимо, сердце колотилось, а в животе все урчало. Вера набралась смелости, подождала, пока скроется очередной прохожий и быстро, словно наперегонки, метнулась к сараю. Тут же упала на землю и вся превратилась в слух. Тишина, никто не крикнул, не возмутился.

– Круто, – уже радостно сказала она и шустро, словно ящерица, доползла до высоченного забора, за ним ее спасение.

Она сперва подумала остаток расстояния пройти через свой огород, но вспомнила про брата, что тот может притаиться где-то поблизости. Да и отец мог прийти на обед. Оста-

валось одно – перелезть через забор и в коровник. Легко сказать, но она никогда не лазила по такому высоченному забору, а сможет ли? Задрала голову вверх и с ужасом подумала, как будет карабкаться.

– А если Витька увидит, то все, пиши пропало, вся деревня будет знать.

Опять нахлынул страх и стыд за свое голое тело, она сжалась как побитая собака и слабо прошипела:

– Прибью, – она имела в виду Лешку, своего брата.

Минут пять Вера лежала, но чем дольше оттягивала время, тем тяжелее становилось. Она слышала, как проехала машина, как кто-то разговаривал на дороге. Все стихло.

– Пора, – сказала девочка и, подняв голову, покрутила ею по сторонам. – Никого, – подвела итог и тут же резко вскочила и с лёгкостью акробата через секунду очутилась по другую сторону.

Она шлепнулась на землю и, не веря тому, что сделала, быстро зашла в хлев.

– О! – радостно сказала она, увидев отцовскую рубашку. – Что надо.

Быстро продев руки, застегнула еще уцелевшие пуговицы. Выглядела лучше чем пугало, что стояло в огороде. Хотя, сказать честно, то пугало никого не пугало, разве что малышню, ну уж точно не птиц.

– Фух... – Вера с облечением выдохнула и уже спокойно вышла из засады. – Где этот паршивец?

Она взяла прут, что стоял около калитки, он предназначался для коровы Машки. Та изредка пыталась прорваться к грядкам, где росли лук и морковка. Вот тогда прут и шел в дело, но Вера думала о другом.

– Где он может быть?

Чтобы не спугнуть, она прошлась по двору, заглянула в сарай, затем по лестнице поднялась на чердак, а оттуда через второе окно спустилась к бане.

Вера замерла. Лешка притаился в кустах и внимательно смотрел в сторону огорода, что уходил к реке. Он думал, что она вернется в дом именно этой короткой дорогой, но он ошибся.

Она стала медленно закипать от гнева. Ее брат как ни в чем не бывало сидел себе спокойно и ждал ее появления. Вера, набирая скорость, бросилась на своего обидчика.

– Козел! – крикнула она и со свистом опустила прут.

– А!!! – был вопль боли.

– Получи! Получи!

– А!!! – завопил Лешка и как ошпаренный забегал кругами по огороду.

Вера не остановилась, она бросилась вдогонку и, перепрыгивая через грядки, старалась достать прутом брата. А тот, вопя, будто на него налетела стая ос, метался из стороны в сторону, не в состоянии найти калитку.

– Ты у меня еще получишь! Только попробуй кому-то рассказать. Где платье?

Но Лешка, найдя лазейку, словно пуля вылетел и скрылся в глубине огорода. Скомканное платье валялось там же, где он сидел в засаде.

– Вот паршивец.

Вера присела. На земле лежал старенький фотоаппарат. Смена 8М, он хотел ее сфотографировать. Что-то внутри ее щелкнуло, сперва захотела засмеяться, но тут же вспомнила, что под рубашкой бегала без трусов. Что-то заныло в груди так протяжно, так тоскливо и нудно. Вера сжалась, обхватила колени и, забившись подальше в кусты, просто заплакала.

Она не в обиде на брата. Ну позлилась, бывает, свое он уже получил. Даже стало его жалко. Наверное, больно? Что-то зудило в груди. Она быстро расстегнула рубашку, схватила платье и стала натягивать его на себя.

И все же тогда что-то произошло. Что? Вера Степановна закрыла папку с новыми договорами, завтра разберется, устала, да и не до того.

Она долго вспоминала тот случай. Ее удивляло то состояние в душе, стыд, страх и почему-то думала о фотоаппарате. «Странно все это, странно», – говорила она сама себе. И когда вечером все были в доме, Вера тайком вышла в коровник. Покрутив головой и прислушавшись к голосам, быстро сняла с себя одежду. И опять страх и стыд, опять это щеко-чущее в груди состояние, от которого дух захватывало.

– Ну все. На сегодня все.

Вера Степановна встала из-за стола, взяла сумочку и быстрой походкой покинула свой кабинет.

2

Если вы в лесу замечаете только комаров, то вы ничего не смыслите в духе леса. Вера с самого детства любила лес, старалась убежать как можно дальше, но за ней словно на поводке следовала мама.

– Мам, мам, смотри, – тыкала пальчиком девочка в большой гриб, что рос на старой березе. – А вон еще, а вон там. Смотри, смотри.

И мама старалась не просто поддакнуть, мол, вижу-вижу, а объяснить, почему грибы растут на дереве, и почему муравьи бегают не наперегонки, а занимаются серьезным делом. Вера в округе знала все овраги, где бобры строят свои плотины, и где ходят журавли. Она не любила горожан, те в лесу громко разговаривали, да еще употребляли глупые слова. Вера следила за ними и невидимо двигалась по их следам. Вот бумажка от конфеты, а вот пустая пачка из-под папирос. Она шла и собирала весь тот хлам, а потом тайком возвращалась к их машине и все запихивала в выхлопную трубу. Вот потеха, когда их машина чихала и глохла. Этому трюку ее научил Сережка из класса.

Сезон грибов, жара сменилась дождями, и опять стало парить. Она с утра вместе с мамой убежала в лес. Лешка ныл, ему скучно, ягод нет, но и он умудрялся собрать целую корзину сыроежек, они ему всех больше нравились. Вера иска-

ла лисичек, их можно есть прямо сырыми, но немного. Они потешные, ярко-желтые и все покосившиеся.

На следующий день мама занялась домашними делами, а Лешка убежал к Витьке достраивать крепость. Вера заскочила к Светке, но ее не оказалось дома, а Марина все еще не вернулась из города. Не спеша она шла по пыльной дороге, изредка из подворотни лаяли собаки, спрашивая, куда она намылилась. Но Вера держала путь к полю, что начиналось в конце деревни. Там уже третий год высаживали подсолнухи. Иногда они успевали вырасти такими огромными, что тебя и не видно в них. Тогда девочки убегали в поле и выискивали себе самые большие подсолнухи, срывали, садились и начинали лузгать еще молочные семечки.

Несмотря на то, что подсолнухи вымахали выше головы, семечки были еще мягкими. Вера не стала их рвать. Она приседала, если пролетали пчелы, и шла дальше. Сразу через дорогу поднимался холм, на котором росла пшеница. Она уже вымахала по пояс. Колосья еще не созрели, но уже тяжело качались из стороны в сторону. «И как это они не падают», – думала Вера, присматриваясь к тонкому стебельку.

Она поднялась на самую вершину холма. Отсюда даже чуточку деревня видна, правее лес, а там, внизу, протекает река. Вера села, достала из сумки пакет с вишней и стала жадно ее уплетать. «Интересно, а из косточек вырастет дерево? А если да, вот удивятся, когда весной тут будет маленькая чаща». И Вера старалась как можно дальше бросить косточку.

Солнце медленно поднималось все выше и выше. Она поправила шляпку, что настояла надеть мама, но та больше мешалась. Вера вздохнула и улеглась на спину. «О чем думают облака? Наверное, о ветре или грозе. А им не холодно зимой? А там сейчас жарко?» Вера села, повертела головой из стороны в сторону. Никого, только кузнечики и какие-то птицы.

– Круто, – сказала сама себе и шустро развязала пояс на платье.

Легкими движениями она сняла его и, не задумываясь, стянула светло-голубые, как небо, трусики. Все аккуратно положила в сумку, боялась, что подует ветер, и они улетят, потом бегай по полю ищи их.

Так легко и свободно. «Почему люди не могут вот так открыто жить?» – думала Вера, поглаживая свой пупок и прислушиваясь к голосам поля. – Куда они все спешат? Работа, дом, опять работа». Девочка вспомнила отца, как тот уходит из дома, пока она еще спит и приходит, когда она уже ложится в постель. «Что там делать?» Она не знала, хотя много раз спрашивала папу, кем он работает, но слово «контролёр» ей ничего не говорило.

Вера Степановна поставила свою резолюцию и отложила в сторону очередной контракт. Вчера уволили шесть разнорабочих, в пятницу те решили расслабиться и прямо в цехе выпили бутылку. Геннадий Терехов – спокойный старичок,

но в его обязанности входит следить за охраной труда. Он не стал ругаться, без лишних слов написал докладную с требованием уволить нарушителей, и Вера утвердила его требование. Узнав об этом, начальник цеха Савельев в гневе ворвался к ней в кабинет.

– У меня партия в восемьдесят диванов, кто теперь будет вместо них работать? Вы?

– Нет, вы! – спокойно ответила Вера Степановна и ткнула пальцем в контракт. – Вы не проследили за подчиненными, вы отвечаете.

Лицо Савельева покраснело от негодования, что его какая-то пигалица взяла и поставила на место.

– Если будет срыв в производстве, я сошлюсь на вас.

– Не стоит, я уже поставила в известность зама. В ближайшее время подберем вам сотрудников.

И что она тут делает? Устала от бумажной волокиты. Конечно же, кто-то должен контролировать кадры, вот только руководство порой этого не понимает. Они думают, что все само собой будет и дальше идти. Человек устает на одном и том же месте работать, приедается и уже через пару лет прекрасный начальник цеха превращается в тормоз. Ему и так все хорошо, зарплата, премиальные, куда ему рваться вперед. Со временем он дает слабину, а после и все начинают копировать начальство. И вот уже цех выдал первую халтуру, брак и куча отговорок, что они в этом не виноваты. Вера Степановна придерживалась правила каждые четы-

ре-пять лет переставлять сотрудников, а начальство вообще менять. Трудно конечно же, но зато всегда новые идеи. Вот и она уже сама планировала подать заявление на увольнение, но ее босс Артемьев и слушать ничего не хотел, даже оклад на всякий случай поднял.

– Вот бы сейчас в то поле, – тихо сказала Вера Степановна и, улыбнувшись, откинулась на спинку кресла.

Стрекот кузнечиков убаюкивал своей монотонностью. Вера не заметила, как задремала и провалилась в розовый туман своих сновидений. Что-то снилось, но чьи-то голоса вырвали ее из сказки. Она невольно открыла глаза, шляпка закрывала солнце. Вера потянулась и тут же замерла. Голоса доносились со стороны дороги, ветер нес их в ее сторону, и казалось, что люди совсем рядом. Вера осторожно убрала шляпку и, не поднимая головы, посмотрела по сторонам.

– Ни-ко-го, – произнесла она по слогам и прислушалась.

Говорили о колесах, о какой-то блесне на щуку, о спальнике, в котором, оказывается, есть дырка. «Что делать?» – подумала девочка и осторожно приподняла голову, чтобы посмотреть, как далеко они от нее. Но тут же Вера вспомнила, что она лежит голой и опять этот страх и холод. Как тогда в огороде у баб Клавы, кода Лешка утащил ее вещи, и ей пришлось голышом добираться до дома.

Появился стыд. А если ее увидят? Вдруг кто-то вздумает пойти в поле и наткнется на нее. Вера от страха окаменела,

только глаза хлопали от яркого солнца.

Голоса были совсем рядом, казалось, протяни руку и коснёшься того, кто так яро убеждал, что лучше использовать леску темную чем светлую. Вера похолодела, даже солнце не могло согреть ее тело. Ей захотелось перевернуться на живот и быстро уползти. Но она не могла этого сделать, просто боялась даже подумать о том, чтобы пошевелиться.

Голоса то удалялись, то опять приближались. Тут Вера услышала детские голоса. Они звонко звенели, как птичий щебет.

– Пора, – наконец решила Вера и потянулась за сумкой, в которой лежали ее вещи.

Детские голоса приближались, они точно шли к ней. «Может, заметили?» – в панике подумала Вера и, быстро высунув голову над колосьями, посмотрела в направлении дороги. Мальчик тут же ее увидел и резко остановился.

– Все, хана... – шепотом сказала Вера и уже решила быстро надеть платье, но тут ее заметила девочка, что шла за мальчиком, и тоже уставилась на незнакомку в поле. – Вот черт!

Мысли лихорадочно заработали. «Одеться, бежать, одеться, бежать...»

– Мам, тут... – громко закричал мальчик.

Вера не стала дожидаться развязки, она быстро вскочила и со всех ног бросилась бежать как можно быстрее. Через секунду дети остались по другую сторону холма, но Вера про-

должала бежать и бежать, пока не рухнула обратно на землю. Колосья пшеницы тут же ее скрыли. Тяжело дыша, она прислушалась к голосам, но их не было, они остались далеко позади.

– Фух... – радостно выдохнула Вера и, приподняв голову, посмотрела на вершину холма, но там никого не было, ни детей, ни взрослых. – Пронесло.

И сердце сразу успокоилось, стало жарко, даже душно. Вера раскинула руки и ноги в стороны, закрыла глаза и представила, как гольшом бежала по полю. Не то стыд, не то радость, не то страх за то, что тебя голой увидели. В груди все щипало, а в животе урчало, словно давно уже не ела, но кушать не хотелось.

– Что это? – спросила она сама себя и положила ладони на горячий живот.

Вера Степановна подошла и включила кондиционер. Ей показалось, что она на том самом поле и солнце жжет ее кожу. Жар идет откуда-то из глубины. Она села обратно в кресло, облокотилась на стол и опять эти детские воспоминания. В груди что-то щипало и зудело. Вера прекрасно помнила это состояние. Но почему сейчас? «Наверное, устала», – подумала она и снова мысленно вернулась на то самое поле.

– А могла бы я сейчас так же поступить? – спросила себя и пальцы коснулись пуговицы на блузке. – Глупости, глупости, – сказала Вера Степановна и, вытянув руку, посмотрела

на свои пальцы.

И все же ей понравилось то ощущение в душе, оно еще долго ее щекотало.

Вера лежала и млела под солнцем, так легко и свободно.

– И почему люди не летают? Вот было бы здорово, – говорила она, рассматривая облака и поглаживая свой живот. – Наверное, там живут воздушные человечки, они смотрят на нас и не понимают, что мы тут делаем на земле.

Вера вздохнула. Стрекот кузнечиков снова навеял на девочку дремоту, она прикрыла глаза и незаметно очутилась в своей сказке.

3

Наконец вернулась Маринка из города и сразу затрещала как сорока, рассказывая, что там увидела. Вера, развесив уши, слушала ее небылицы, как та ходила в цирк и с ней хоботом здоровался слон. Маринка бы все болтала и болтала, если бы Олег (он живет по соседству и учится в их же классе) не предложил пойти к путям. Ну, пути – это железная дорога, по которой мчатся пассажирские поезда. Они несколько раз ходили туда, правда далеко, километра три или даже больше. Но как прикольно слушать рельсы, они гудят словно паровоз. А когда пролетает поезд, ты стоишь и машешь всем, кого увидишь. Иногда тебе отвечают и тоже машут, некоторые показывают кулаки, а мальчишки строят рожицы. Ну и что, они уедут, а ты останешься.

– Во, смотри, – Олег достал из кармана металлический кругляшек.

– Что это? – спросила Маринка.

– Пять рублей.

– Что?! – выхватив из его рук, Вера стала рассматривать железяку.

Размер лепёшки был почти в два раза больше настоящих пяти рублей, но на ней остались вмятины с цифрой «пять» и надписью «рубль».

– Круто, – протянула Маринка. – Подари.

– Нет, сама сделаешь.

– Как? – тут же спросила она.

– Надо до путей дойти и на рельсы положить.

– И... – протянула Вера.

– Поезд как каток их расплющит.

– Нифига себе.

– Я еще гвоздь клал и конфету.

– И...

– Гвоздь так и не нашел, улетел, а от конфеты, – тут Олег шлепнул по руке ладонью, будто прихлопнул комара. – Лепешка.

– А яблоко?

– Тоже будет лепешка.

– А орех расколет?

– Еще как, но и от него будет лепешка.

– Жаль, – сказала Вера. – У меня их дома много.

– Пойдемте завтра на пути, – предложил Олег, покажу одно крутое местечко, там никого не бывает, можно лепешки поделать.

– Далеко, – тяжело выдохнула Марина.

– У меня есть велик, могу Сережкин взять. А у тебя, Верка, есть?

– Только колеса надо подкачать.

– Сделаем, – по-деловому сказал Олег и спрятал свою монету.

На том и порешили.

Добрались быстро, сперва по дороге, а после через поля и неглубокий ров вышли прямо к путям. Тишина, никого, только сороки трещат. Маринка достала целую пригоршню мелочи.

– На, – видя, что у Веры всего три монеты.

– Все сразу не кладите, и на расстоянии. Ты, Верка, вон туда, метрах в пяти, а ты вон туда, вперед топай.

– Это почему? – возмутилась Марина.

– Поезд пройдет, и монеты разлетятся, потом не понятно где чьи.

– А...

Вера с ювелирной точностью ровно по линейке выложила их в ряд. Олег подошел проверить, все ли правильно и, убедившись, что у нее все как надо, молча кивнул и пошел к Маринке.

Ждать поезда пришлось долго, минут десять или даже больше. Все извертелись, подбегали к рельсам, прикладывали уши в надежде услышать, но те все время гудели.

– Поезд, поезд! – закричал Олег и быстро побежал в сторону леса.

Через несколько секунд состав, грохоча, пролетел мимо них.

– Ну и длиннющий, – сбившись со счета, громко сказала Вера.

– Это еще ничего. Вот вчера насчитал восемьдесят шесть вагонов, трубы везли.

Наконец поезд умчался, в ушах еще звенело, но тройца уже бросилась на поиски своего расплющенного клада. Некоторые монеты стали вытянутыми как маленькое яйцо, а некоторые даже треснули, но и они представляли ценность.

– Круто, круто, – повторяла Маринка, раскладывая на песке свои медальки.

– А у меня две улетели, не могу найти, – пожаловалась Вера.

– На, – опять Марина всучила ей несколько своих лепешек.

– Давайте еще? – предложил Олег.

– А у меня больше нет.

– И у меня.

– Ладно, – Олег порылся в кармане и достал ровно три старых, уже вышедших из обихода двухкопеечных монет.

В этот раз поезд был пассажирским. Девочки стояли подале и весело кричали всем, кто мог их увидеть.

День закончился. Они, уставшие, но до жути были довольные приключениями, вернулись домой. На следующий день Олег уехал по делам с матерью, и девочки, долго не думая, сели на велики и с новой горстью монет поехали к путям.

Они не спеша превратили все монеты в очередные лепешки, сели около леса и стали внимательно рассматривать их.

– Поезд, – сказала Марина.

– У меня больше нет.

– И у меня.

– А если эти обратно положить?

– Давай.

После того как промчался поезд, металлические лепешки стали еще больше и тоньше, но часть из них безвозвратно потерялась, куда-то улетели.

– Сейчас должен быть пассажирский.

Вера заулыбалась. Она уже поняла, что хочет сделать Маринка. Вера соскочила и побежала к лесу. Поезд уже появился, а они еще не готовы. Вера шустро расстегнула шорты и лихо стянула их, бросила на землю и туда же через секунду полетела футболка.

– Ну давай же! – перекрикивая стук колес, Маринка голышом запрыгала на кочке.

Вера весело засмеялась и тоже стянула с себя трусики и стала ими махать, словно это флаг. Поезд с грохотом летел мимо. Из окон смотрели удивленные глаза, кто-то показывал им язык, кто-то кулаки, а кто-то весело махал руками.

– Ииии... – визжала Маринка.

– Аааа... – стараясь как можно громче орала Вера.

Они радостно прыгали, демонстрируя свои тощие тельца для любопытных взглядов. Еще несколько секунд, и последний вагон с грохотом умчался куда-то на восток.

– Здорово.

– Ага.

– Может еще?

– Долго ждать.

– Да ладно тебе.

– Я есть хочу.

– Еще полчаса, и поедем обратно. Договорились?

Вера не стала спорить с Маринкой, они так и сделали. В этот раз поезд вез какие-то трактора, они немного помахали, но удовольствие было уже не то.

Дизайнерский отдел занимал огромное помещение. В прошлом здесь располагался экспериментальный цех. Огромное помещение, разделенное множеством перегородок и толстыми колоннами. Вере Степановне нравилось то, что этот отдел со всех сторон был окружен окнами. Создавалось впечатление, что ты в аквариуме: солнце и пространство. Странно, но в этом помещении дышалось легко. Кто-то умудрился поставить по центру огромный фикус, а уже к концу года в дизайнерском отделе красовалось более десятка деревьев, прямо как в маленьком лесу.

– Подскажите, где Лукин?

– А... – девушка подняла голову и закрутила ею во все стороны. – Кажется, он вон там, – и ткнула пальцем в сторону аварийного выхода.

– Спасибо.

Молодая женщина обошла несколько диванов, повернула и решила пройти напрямую, но уперлась в стеклянную перегородку. Юноша, увидев, что она в тупике, замахал рукой, показывая вариант, как выбраться из лабиринта.

– Нда, – протянула Вера Степановна и пошла обратно к диванам.

Дизайнеры не от мира сего, с ними нужно быть поаккуратнее, могут и обидеться. Она могла уволить с десяток рабочих из цеха, но разработчики – это отдельный случай. Вот и бегала к ним лично, чтобы утрясти вопросы с продлением контрактов.

– Подождем? – скорчившись, спросила Маринка и присела на кочку. – Ай! – вскрикнула и соскочила.

– Что?

– Укусил.

– Кто?

– Муравей, во какие злющие, – она нагнулась и стала тыкать пальцем в толстый мох.

– Давай, – с легкостью согласилась Вера и посмотрела на пути, но поезда не было видно.

В лесу совсем иные звуки, не то, что в деревне или в поле. Где-то очень далеко куковала кукушка, даже был слышен стук дятла. Девочки, поджав коленки, сидели и внимательно слушали лес.

– Слышишь?

– Поезд?

– Нет, белки.

Вера закрутила головой, но белок так и не увидела, зато услышала далекое гудение. Они дружно вскочили, на лицах

сразу появилась улыбка. Девочки стали вертеть головами то вправо, то влево, ожидая появления локомотива.

– Пассажирский, – крикнула Маринка и выбежала поближе к путям.

Вера не отстала. Она залезла на какой-то бетонный столбик и, балансируя на одной ноге, весело замахала проезжающим вагонам. Вера видела их лица, и чем больше они возмущались, тем веселее девочки кричали от радости. У них был такой щенячий восторг, будто им подарили целый мешок конфет. Вера не удержалась на столбике и упала на землю, но это ей не помешало, она соскочила и продолжила скакать.

Поезд промчался, а душа все еще прыгала и не хотела останавливаться. Они от смеха повалились на траву и, рассматривая небо, долго не могли прийти в себя.

– Почему? – спросила себя Вера Степановна. – Почему нам было так весело? Ведь глупо прыгать гольшом перед пролетающим мимо тебя пассажирским составом.

«Почему?» – подумала молодая женщина и закрыла за собой дверь в кабинет. Она много раз вспоминала те минуты и, кажется, начинала ощущать хулиганский восторг. Тебя никто не поймает, не накажет. А что тут такого? Ну, попрыгали. Но их лица... Кто бы видел. У кого-то глаза округлились, и даже рот от удивления открывался, а некоторые наоборот начинали злиться и отворачиваться. «Что тут такого?» – опять

спрашивала Вера Степановна, ведь мы были детьми. «Они что, не видели девчонок? В баню не ходили? Глупые». Опять это странное состояние в душе. Где-то там, глубоко внутри тебя, начинает все щекотать и хочется раскрыться. Вера улыбнулась, пальцы коснулись пуговицы на блузке.

За тонкой перегородкой ее кабинета раздались голоса. Женщина посмотрела на стенку и, улыбнувшись, положила руку на стол. Она дышала не спеша. Щекотка в груди стала медленно растворяться. «А может зря?» – подумала она и опять вспомнила то лето и мелькающие окна вагонов.



– А что тут хотели построить? – Спросила Вера у Светки.
– Не знаю. Может, контору.

– Да брось, сколько же их тут могло поместиться.

Деревня была небольшой, чуть более сотни дворов, и самое большое здание – это школа: целых пять этажей. Строить начали, когда Вера еще только пошла в садик, а после стройку забросили, точно так же как и свиноферму. Теперь это просто развалины, как после апокалипсиса. Два огромных монстра посреди поля, так и хотелось спросить, как они тут очутились.

– Пойдем.

– Ага, – сразу согласилась Светка, и девочки, перебравшись через заросший забор, двинулись внутрь.

Они много раз тут были, играли в старики-разбойники, после в прятки, а мальчишки в войнушку. Но взрослые ругали, ведь в доме не было окон и перил, легко можно было упасть. Но как ни странно, за все время никто не пострадал, только вывихи да синяки.

– А тут кто-нибудь есть?

– Нет, – тут же ответила Вера.

– Ау! – закричала Светка.

Птицы притихли, а девочки сжались, ожидая эха, но его не последовало.

– Ау! – крикнула Вера, но опять ничего. Кузнечики в поле, и те громче играли, чем девочки кричали.

– Идем, – сказала Светка и стала быстро подниматься по бетонным ступенькам на следующий этаж.

Бродить по дому интересно, а вдруг что-то найдешь. В

прошлый раз они обнаружили алюминиевый котелок, кто-то из мальчишек забыл. Но сейчас ничего не было, только похабные слова на станах. Парни словно соревновались, кто больше их знает, вот и устраивали целые галереи надписей.

– Хм... – хмыкнула Марина и пошла еще выше.

Вот и крыша. Она, как поверхность луны, вся в рыжих пятнах. Кто-то натаскал кирпичей и построил небольшой дзот, оттуда до сих пор торчала палка, что выступала в роли пулемета.

– Мальчишки, – констатировала Вера и пошла в самый конец здания.

Лес как на ладони.

– Вон мост, а вон дамба. Смотри, кажется, машина дядь Пети едет, – Вера ткнула пальцем в сторону фиолетового поля.

– Нет, это не он, у него крыша зеленая, а это голубая.

– А...

– Пойдем туда, там лучше видно.

Девочки подошли к самому краю крыши, Вера быстро села на край и свесила ноги.

– Сумасшедшая.

– Тут же перила.

– Все равно боюсь, – Света вытянула шею и издалека заглянула вниз. – Жуть. Пойдем лучше загорать.

– Не хочу.

– Пойдем, – настаивала Света.

– Не хочу.

– Сейчас пну.

– Ладно, ладно, идем, – тяжело выдохнула Вера и, встав, поплелась за подружкой.

Света отошла на пару метров, быстро стянула с себя желтый сарафан и, аккуратно свернув, положила на самое чистое место, что было на крыше.

– Че смотришь, раздевайся! – приказала она и стянула с себя такие же желтые труселя.

– Да я так.

Через минуту две девочки, подставив голые попки, растянулись на крыше и, щурясь от удовольствия, стали тихо шептаться.

– Говорят, Витька в город уезжает.

– Слышала. А я вчера на моторке с Пашкой на остров ездила.

– Вот козел, а меня не взял. А ты ходила за вырубку? Баб Соня говорит, там видимо-невидимо ягод.

– Серьезно? Пошли сегодня.

– Сейчас позагораем и пойдем, только домой зайду.

– Там комары, штаны надену.

– А...

– Ты слышала?

– Что?

– Кажется, голоса.

Девочки вскочили и осторожно подошли к краю крыши и

стали смотреть вниз.

– Тут никого, пойдём на другую сторону.

Порывистый ветер то поднимал волосы вверх, и те становились колом, то начинал закручиваться, и тогда ничего не было видно.

– Вот блин, – возмутилась Света.

– Они тут, – тихо, чтобы внизу не услышали мальчишки, сказала Вера.

– Что им тут надо? – высунув голову за край крыши, спросила Светка.

– Может играть пришли.

– Не похоже, просто шляются. Только их не хватало, все испортили. Пойдём одеваться.

– А может они не пойдут сюда.

– Если бы да кабы, да во рту росли бобы.

Вера ещё немного посмотрела на мальчишек, которые кругами ходили вокруг старой бетономешалки и стучали по ней палками, будто от этого она заработает.

– Лови, лови, – вдруг донесся до нее тихий крик Светки.

Вера соскочила и побежала к подружке, а та, махая руками, пыталась поймать свое платье, которое кружилось в воздухе и удалялось от нее все дальше и дальше. Порыв ветра подхватил их вещи и сдул с крыши.

– Все! – с ужасом в голосе выдавила из себя Светка. Платье отлетело метров на десять и спикировало вниз.

Вера заглянула за край крыши и замерла.

– Твое там лежит, – как факт сказала Светка и ткнула пальцем куда-то вниз.

– А твое?

– Кажется, за забор улетело.

– А трусы?

– Не знаю. Может, вон, – девочка прищурилась и кивнула в сторону бетонных плит.

– Что делать?

– Не знаю, – с ужасом в голосе ответила девочка и сразу посмотрела в противоположную сторону, там, где внизу шлепались мальчишки.

– Что делать? – опять спросила Вера.

– А... а может, они уйдут.

– А если нет. А если поднимутся сюда. А если...

– Стоп, не пугай.

– Я пошла.

– Куда? – испугано спросила Света и схватила подружку за руку.

– Вниз. Они пока там, я успею забрать.

– А если увидят?

– Я осторожно.

Вера вспомнила, как в прошлый раз голышом добиралась от моста до дома, но это не так уж и далеко, а тут, если возвращаться, то через деревню. «Нет, – решила она, – надо быстрее забрать платье, а то все, пиши пропало».

Она резко дернула руку и быстро побежала к проему.

Шлепая босыми ногами, Вера старалась перепрыгивать камни, иногда ойкала, но тут же замолкала, боясь, что ее услышат.

Где-то слышались голоса. Вера прижалась спиной к шершавой стене и, тяжело дыша, стала ждать. Через минуту появилась Светка и, тоже прижавшись к стене, вопросительно посмотрела на подружку.

– Ну, что дальше?

Уже давно закончился обед, но дамочки из планового отдела продолжали швыркать свой чай. «Так-так», – подумала Вера Степановна и зашла к аналитику в кабинет.

– Игорь Алексеевич! Наконец вас застала.

– А, – полный мужчина оторвал свой взгляд от монитора и, недовольный тем, что вынужден отвлечься, спросил. – Слушаю.

– Я не буду бегать за вашими женщинами, у меня нет контрактов на Дорофееву и Горшкову. Если завтра их не увижу, подам в бухгалтерию докладную, чтобы не начисляли зарплаты.

– Ладно, – выдавил он из себя.

– И еще, я отклонила вашу просьбу на еще двух сотрудников.

– Как? Мы не успеваем.

– Да ну, – тут же Вера Степановна подошла и распахнула дверь. Женщины, что пили чаек, тут же замерли, и кружки

опустились на стол. – Наведите порядок, а после поговорим.

Беляев ничего не сказал, было видно, что эта тема для него болезненная.

– Если хотите, я могу уволить парочку, – Вера Степановна сказала это громко, чтобы в зале было слышно. – Жду контрактов.

Проходя по залу, она чувствовала недовольные взгляды. «Ну и ладно, мне-то что», – подумала Вера и покинула злачное местечко.

– Что будем делать? – Переспросила Светка.

– Жди.

Вера выглянула наружу и, убедившись, что никого нет, осторожно сделала первый шаг. Что-то скрипнуло, она тут же присела, услышала далекие голоса. Она не дожидалась, когда появятся мальчики. Похоже, они просто обходили здание кругом, поэтому надо было спешить.

Вера как индеец перебежала от ящика к бочке. Прижималась почти к самой земле и, будто нюхая воздух, вытягивала лицо вперед. Тихо, опасности нет. Вера двинулась дальше. «Где же оно?» – думала она, вертя головой во все стороны и выискивая свое платье. Сверху все хорошо видно, а тут высоченные лопухи и практически непроходимые кусты.

– Там, там, – шепотом говорила Света и тыкала пальцем в сторону кучи щебня.

Вера, ойкая, двинулась дальше. Желтое пятно Светкино-

го сарафана, как фонарик, светилось среди темно-зеленой листвы. Она уже хотела было сделать шаг, но резко замерла. Мальчишки, что медленно обходили здание, появились из-за угла.

– Вот блин, – тихо прошептала Вера и, спрятавшись за полуразвалившийся ящик, стала ждать, пока они не скроются за дырявым забором.

Светлый, как с модной картинки, офис босса, буквально переливался. Тихая мелодия леса. «Да, скоро только так и будем слушать природу», – подумала Вера Степановна и, открыв дверь, вошла в кабинет.

– Добрый день. Можно?

– Вер, проходи. Что-то хотела мне сказать?

– Да. В ноябре приняла в дизайнерский отдел Емельянова, его поставили руководителем перспективных проектов.

– Помню, присаживайся.

Что Вере Степановне нравилось в ее боссе, так это то, что он все прекрасно понимал и мог спокойно выслушать даже самую отвратительную критику.

– Я не знаю, откуда его взяли и почему без меня утвердили, но эта пустышка...

– Вер, Вер, придержи коней.

– Хочу сказать, что во втором квартале было утверждено шесть проектов, а в первом восемь, а уже в третьем – только четыре. А в этом году, в первом квартале, только два.

– Это серьезно?

– Да. Это я уже пытаюсь сказать не первый раз. В прошлый раз вы сказали, что разберетесь. У Емельянова есть зам Виктор Филатов, который делает всю работу, но у него оклад тридцать пять тысяч, а у вашего Емельянова семьдесят пять.

– Может чайку? – понимая, что начальник кадров не просто так пришел.

– Нет. Если хотите оставить вашего или чей он там, то предлагаю Филатову поднять оклад до восьмидесяти пяти.

– Э...

– А Николаю и Димитрию, что в их же отделе, он на ранг ниже Филатова, оклад до шестидесяти пяти.

– Э...

– Вот мой список по окладам, – Вера положила перед боссом список из двенадцати человек. – Хотите сохранить вашего Емельянова, надо потратить дополнительно триста семьдесят тысяч в месяц.

– Нет, – уверенно ответил босс.

– Тогда вы в ближайшее время потеряете Виктора, а за ним уйдет Вика, Оля Боброва, Дорофеев и, возможно, Павлов. Но это только то, что я знаю.

– А что им не работается? – Вера промолчала. – Ладно, что предлагаете?

– Понизить Емельянова по должности и окладу, или если он вам так нужен, уберите из отдела.

– Вера, Вера... – протянул мужчина, понимая, что она

полностью права. – Хорошо, действуй. Но! Только по закону. Понимаешь?

– Спасибо, – ответила она и радостно соскочила с мягкого кресла.

Идти по колючкам ужасно трудно, а тут надо еще держать уши на макушке, чтобы тебя не засекали. Девочка выждала момент и, кривясь от боли, перебежала пустырь и тут же скрылась в зарослях огромных лопухов.

– Бе... – протянула она, наткнувшись на паутину.

Не останавливаясь, Вера, словно мышка, протиснулась между бочками и вышла на финишную прямую. Остался последний рывок, и сарафан Светки будет в ее руках.

Опять голоса, уже совсем близко. В груди защемило и опять эта нестерпимая щекотка. Девочка вздрогнула и, покосившись на проем, где пряталась ее подружка, сделала несколько шагов вперед. Ее могли увидеть, но почему-то Вера не бежала, а медленно кралась вперед. Ее тонкое, немного угловатое тело, неестественно изгибалось, словно трансформировалось. Вера выпрямилась и, вытянув руку, потянула на себя желтый сарафан.

Листья зашуршали, а ветки вцепились в ткань, стараясь не отдать свою добычу. Вера дернула и чуть было не упала на землю.

– Все, – радостно прошептала она и быстро стала натягивать его на себя.

Как только девочка прикрыла свою наготу, она выпрямилась, словно выросла и, уже не боясь чужих взглядов, пошла на поиски своего платья. Искать пришлось не долго.

Вера вернулась в проем, где все также, прижимаясь к стене, стояла Светка. Ее глаза радостно сияли.

– Держи, – Вера стянула с себя ее сарафан и всучила его в вытянутые руки подружки.

– А трусы?

– Найдем, не дрейфь, – Вера поправила на себе платье. – Ну что, пошли на поиски второго клада?

– Чего?

– Трусов.

– А...

Совсем близко послышались голоса мальчишек, девочки сразу покраснели от стыда, будто все еще были голые. Переглянувшись, шустро скрылись в катакомбах здания.

– Чуть было не застучали, – переведя дыхание, прошептала Света.

– Ага, – согласилась с ней Вера и, прижавшись к стене, посмотрела на верхушки деревьев.

Где-то там, внизу, громко разговаривая, все еще бродили мальчишки. В груди ныло, а в животе булькало. Вера откинула голову и, закрыв глаза, погрузилась в себя. Это странное ощущение, оно на грани риска, вот-вот, и сорвется. Девочка, тяжело дыша, представила себя голой посреди стройки, а мальчишки, замолчав, внимательно смотрят на нее.

Приятные минуты детства. Вера Степановна налила в чашку кипятка, положила с горкой ложечку кофе, один кубик сахара и, размешав его, села за стол.

– Емельянов, Емельянов, что мне с тобой делать?

Вслух сказала она и, открыв папку с его данными, потянулась за трудовым кодексом.

Что такое Любовь? Этот абстрактный вопрос Вера задавала себе все чаще и чаще, но ответа пока не могла найти. Перечитала книги, что были у Марины, у самой дома, ничего подобного, только детективы и исторические романы. «И все же, что это такое?» – спрашивала она сама себя и методом тыка пыталась разобраться.

– Дай списать! – тихо, чтобы не услышала Тамара Геннадьевна, попросил ее Димка.

Вера покосилась на учительницу. Ей уже один раз досталось за подобное, и она не хотела в очередной раз получить заниженную оценку по контрольной. Не произнося ни слова, она открыла тетрадь так, чтобы он увидел решение.

– Спок, – беззвучно прочитала она по его губам, что означало «спасибо».

Девушка хмыкнула и продолжила решать следующую задачу. Димка хороший, даже слишком, вот только почему? Вроде как все, если надо, то и втихушку сматерится, вечно думает не о том, о чем надо. А вот о чем? Вера думала о нем, но почему? Зачем он ей сдался!

– Ах, – выдохнула она и посмотрела на его грязные ногти.

Что в нем такого? Но ей приятно быть около него. Слушать, как он бормочет, швыркает носом и черкается в тетради. Ну и что, пусть черкается, ей-то какое дело.

– Ты чего так смотришь? – немного возмущенно спросил Димка на уроке литературы.

– Как?

– Как-как, вот так, – взял и вытаращился на Веру, та аж отпрянула в сторону и с ужасом посмотрела на его рожу.

– Не ври, я так не смотрела, – тихо сказала девочка.

– Так, не болтать! – вдруг как гром разнесся по классу голос учителя.

Вера сжалась и тут же отвернулась от Димки. «Я вовсе так не смотрела. Кто я, коза, что пялится на его папиросу. Хм...» Она возмутилась и, открыв учебник, стала читать вступление.

И все же, он ей нравился, она не могла от этого отнекаться, вот нравился и все. А что тут такого, вот Светка втюрилась в Вовку, а Маринка волочится за Сашкой, даже Ленка, противная, и та, похоже, положила глаз на Вадьку.

– Ах, – тихо выдохнула Вера и покосилась на Димку.

Они дружили еще с самого детства, вместе гоняли коров на пастбище, а после вместе мыли пол в классе. «Может, это и есть любовь?» – спрашивала она себя и тайком наблюдала за ним. Вот только ему до нее, похоже, как до лампочки. Ну дружит, ну поболтает, даже глазки не строит. Вера немного обижалась на Димку, но ничего поделать не могла. Ведь не подойдет же и не скажет «люби меня» или еще хуже «поцелуй». Да, вот это было бы, наверное, круто. Но он не такой как Женька, что волочится за всеми.

– Вера, еще раз слово и неуд, – как в рупор сказал учитель.

Она тут же перестала с ним шептаться, а ведь так хочется. На перемене он убежит, а сейчас Димка с ней, куда ему деваться.

– А ты знаешь, что у пчел в любой точке планеты все соты только пятиугольные? – не выдержав паузы, спросила она у соседа.

– Знаю.

– Вот почему так, откуда они знают? И почему пятиугольные, не круглые как у ос, и не квадратные или прямоугольные.

– Не знаю.

– А ты знаешь, что летучие мыши могут летать в темноте?

– Знаю.

– А вот...

– Вера, ты опять шепчешься.

Татьяна Тимофеевна, их учитель по биологии, одна из лучших, никогда не ругается. На уроках показывает фильмы про море, которое Вера еще ни разу в жизни не видела.

«Ах, – опять вздохнула она. – Он совсем на меня не обращает внимание. Вот был бы пожар, он меня бы спас, или я бы тонула. Нет, лучше подвернула бы ногу, и он нес на руках. Интересно, смог бы поднять? Конечно же, смог бы, я видела, как он таскал мешок с картошкой. А интересно, сколько я вешу?» Она сидела и не слушала учителя.

– Можно? – Вера подняла руку.

– Да? – спросила Татьяна Тимофеевна.

– Можно я выйду, э...

– Хорошо, через пять минут обратно.

– Я мигом.

Вера соскочила, как бы между прочим толкнула Димку и выскочила из класса.

– И зачем я вышла? – спросила сама себя и пошла в сторону туалета.

В коридоре тишина, урок не так давно начался, до звонка еще далеко. Где-то учитель кого-то отчитывал, его голос гудел. «Ах», – вздохнула Вера и открыла дверь в туалет. Она не хотела, но коли тут, открыла кабинку и зашла. Машинально стянула с себя трусики, а после взяла и переступила через них.

В последнее время Вера стала ощущать свое тело. Нет, она и раньше его чувствовала, но сейчас все по-иному. Ложилась в постель, обнимала колени и мысленно погружалась в себя. В груди и во всем теле что-то тлело, скоро подует ветерок и вспыхнет пламя. Она это знала, была уверена в этом, а пока, просто поглаживая пальчиками, наслаждалась своим одиночеством.

Из коридора донесся голос Ольги Павловны, завуч, как ее все боялись. Хотя чего тут такого, худая как сморчок, но глаза колючие. Говорят, она могла если что и подзатыльник дать. Вера сжалась. Если кто-то прогуливал урок, завуч мог вызвать родителей. Но она ведь не прогуливает, а по делу,

ну, по нужде как бы так. И все же стало не по себе.

Голос приближался, Вера присела, и тоненькая струйка зажурчала. Она бежала так громко, складывалось впечатление, что даже в коридоре слышно. Вдруг в туалет открылась дверь. «Ну все, попалась», – обреченно подумала Вера и быстро вскочила. Цоканье каблучков приближались. Девочка поправила формы, дернула фартук и только тут заметила, что у нее в руках зажаты трусики. «Блин». Не зная, что делать, она завертелась на месте, расправила в руках резинку, но вместо того, чтобы быстро их надеть, Вера бросила их в мусорку и нажала на сток воды. Сердце защемило. Набравшись смелости, она открыла кабинку. Прямо перед ней стоял завуч.

– Все?

– Ага, – робко ответила Вера.

– На урок.

– Ага, – и пулей вылетела в коридор.

«Фух, кажется, пронесло», – мысленно сказала она и направилась к классу. Вдруг Вера остановилась, замерла, покосилась в сторону туалета, а рука потянулась вниз.

– Я же... – пальцы сквозь ткань юбки почесали голый зад, – без трусов. Вот блин.

В груди заныло, защипало, зуд от паха быстро поднялся вверх. Стало жарко и появилось ощущение, что на тебя смотрит вся школа. Страх и стыд сковали тело, надо было идти, но ноги не хотели двигаться. С трудом она сделала несколь-

ко шагов. Казалось, что юбка задралась. Вера проверила, все нормально, но ощущение того, что ты голая, никуда не пропало.

– Можно?

– Садись на место.

Девчонки на нее косились. «Точно засекали, что я без них. Блин, блин», – ругала себя Вера, идя между рядами как можно осторожней.

– Че уставился! – огрызнулась она на Димку, когда села за парту.

– Долго.

– Тебе какое дело. Чуть было завуч не поймал.

– Вера! – учитель сделал ей замечание.

– Ты красная.

– Что? – еле слышно спросила его.

– Лицо покраснело, словно рак.

– Отстань, – тут Вера поняла, почему на нее уставились.

На душе сразу полегчало. Она вздохнула и, улыбнувшись Димке, посмотрела, на какой странице открыт учебник.

Вера Степановна не могла сосредоточиться, один звонок за другим. Расширяли склад, надо было скомплектовать персонал, вот и созванивалась с агентствами, а те все слали и слали ей резюме.

Почему она тогда так опрометчиво поступила? Вера не знала. Весь урок почти не шевелилась, боялась, что юбка за-

дерется и все увидят. Но после того как сходила на перемене в столовую, все как рукой сняло. Стало весело и она уже не задумываясь бегала по ступенькам. Несколько раз дала Димке по носу, он попробовал столкнуть ее со стула, но сам улетел в проход.

Вера Степановна улыбнулась своей детской шалости, положила ладонь на коленки и провела пальцами по бедру. «Не то, все не то», – подумала она. Встав из-за стола, закрыла дверь.

Легкий озноб в груди и эта еле уловимая щекотка. Женщина покосилась на дверь, осторожно коснулась замка на ручке и тихо, чтобы никто не услышал, повернула его. Со всем рядом слышались голоса, кто-то разговаривал по телефону, кто-то прошёл мимо ее кабинета. Вера Степановна еще раз посмотрела на дверь, и уже не останавливаясь, быстро запустила руки под юбку и как можно быстрее сняла с себя трусики.

– Зачем? – вдруг вслух просила себя.

Она даже не поняла, почему так поступила. Так спонтанно, как там, в школе. Повертев в руках тряпочку, уже подумывала обратно их надеть, ведь детство уже давно прошло.

– Нет, – все так же тихо сказала она и, быстро открыв тумбочку, спрятала их в нижний ящик.

Какая-то интрига, свобода, маленькая тайна. Что это? И главное, зачем? Вера Степановна не могла ответить себе ни сейчас, ни там в школе.

Димка странно пялился на нее.

– Ты че?

– Так.

– Дам в лоб за так. Что увидел? Лицо испачкано? Опять жвачку подложил?

Она тут же приподнялась со стула, провела рукой по нему и, не обнаружив ничего подозрительно, шлепнулась обратно голой попкой на место. После школы Димка не отставал от Веры. Его как будто приклеили, он даже взял ее портфель.

Девочке было весело. Ветер поддувал, иногда юбка раздувалась. Казалось, еще немного, и она вывернется наизнанку и тогда все увидят. Вера заглянула в овраг, прошлась по краю маленького обрыва. Это ее тайна, и она щекотала ей душу. Девочка смеялась, убегала от мальчика, а тот, ничего не понимая, словно навьюченный мул, бежал за ней.

Вера Степановна чуть приподнялась, подтянула повыше юбку и как-то робко села на голую попку. Этот детский щенячий восторг, вот что она испытала в тот момент, когда в кабинет вошел Лукин.

– Слушаю, Игорь...

– У тебя где отработка?

– В библиотеке, а тебя куда отправили?

– Красить актовый зал. Сказали, что если закончим, то все, на этом точка.

– Повезло.

– Ага, ты бы видела сколько это. Стены, потом сцену и еще пол. Фу... Воняет.

Вера вздохнула и с завистью посмотрела на Марину.

– Ладно, я пошла, у меня с десяти до часа. Буду клеить учебники.

– Удачи.

Девочки разбежались в разные стороны. Вера поднялась на второй этаж. Ей Галина Михайловна еще вчера показала, что делать. Работа простая, но требует усидчивости и внимания. Открываешь учебник, пролистываешь, если есть надписи, сделанные карандашом, стираешь, а оторванные листы подклеиваешь. Вот, впрочем, и все, только книг много.

– Верочка, идем сюда, я все приготовила. С тобой будет работать Оля. Вот твой стол, клей, кисточка и бумага, а это для корешков. Если что-то непонятно, позовете.

– Хорошо.

Женщина вышла, и две девочки остались вдвоем. Кругом стояли стеллажи, забитые портретами ученых и писателей, а

сверху лежали свернутые карты. Зал был большой, но это не читальный. Однако и тут книг видимо-невидимо.

– Мне вот это, а тебе эти, – сказала Оля и, взяв небольшую стопку учебников, села за свободный стол.

– Хо-ро-шо, – произнеся по слогам, Вера тоже взяла свою стопку и приступила к работе.

Работа шла не спеша, да и куда торопиться. Однако Оля как электровеник, стопка уменьшалась буквально на глазах. К двенадцати часам она закончила свое и, соскочив, радостно заявила:

– Я все, пошла, завтра буду.

– А можно так? – удивленно спросила Вера.

– Ну да. Галина Михайловна так и сказала, закончите, свободны.

– А...

– Пока-пока, – крикнула она и тут же скрылась за дверью.

– Ну и ладно.

Вера не расстроилась, она привыкла все делать аккуратно и, посмотрев на свои три учебника, уже в уме прикинула, что как раз через час закончит. Кто-то ходил за стенкой. Дверь открылась и в зал вошла Галина Михайловна.

– Вера, я ухожу. Там, – имела в виду в большом зале, – сидит Анжела, она проследит. Закончишь, иди домой, я прикрою.

На этих словах дверь закрылась, шелкнула щеколда, и Вера осталась одна.

– А мне так лучше. Никого нет, тишина.

Не поднимая головы, Вера открыла изрядно потрепанный учебник, погладила его ладошкой.

– Бедненький, – ласково пожалела его, – сейчас я тебя приведу в порядок.

Незаметно пролетел еще час, вот и последний учебник был подклеен и отложен в стопку. Она встала, потянулась до хруста в спине.

– Круто.

Вера отошла от стола и пошла бродить между стеллажами. Тут было на что посмотреть, архивы, коробки, папки с тетрадами, куча стенгазет, а еще большой ящик с новогодними костюмами.

Где-то внизу, за окном, мальчики включили музыку. Им скучно подметать листья, а так хоть разнообразие. Вера заулыбалась, вспомнила, как еще пару месяцев назад сидела на уроках без трусов. Ей стало смешно. Вспомнила, как со Светкой крались за сарафанами на стройке, а мальчики бродили совсем рядом.

– Чуть было не вляпались, – сказала она вслух и, подойдя к окну, заглянула в него.

Маленькая стайка мальчиков ковырялась у пня, стараясь его выкорчевать. Ей стало весело и почему-то опять в груди что-то защекотало. Глупые мысли приходят мгновенно, будто они там все время сидят и ждут своего часа. Вера подбежала к двери, повернула ручку и заглянула в зал.

– Никого.

Констатировала она и обратно закрыла дверь. Щелкнула щеколда. Звук был таким громким, что Вера сжалась, словно что-то натворила. Быстрыми шагами подошла к своему столу, села, но тут же встала. В голове вертелась ужасная мысль. Она не хотела о ней думать, но та как жвачка прилипла.

– Ладно, – глубоко вздохнув, Вера быстро пошла вдоль стеллажей.

Маленький лабиринт превратился во множество переходов. Она обошла весь зал и вернулась обратно к окну. Мальчишки все еще ковырялись с пнем.

Что-то загорелось в груди. Вера не выдержала и, быстро перебирая пальцами, виляя попкой и подпрыгивая на месте, стала стягивать с себя трусики.

– Ну же...

Наконец они соскользнули. Резинка щелкнула по коленке, но Вера не остановилась. Перешагнув через них и аккуратно расправив, положила на подоконник.

– Фух...

Сразу стало легче дышать, словно избавилась от зимней одежды. Она подпрыгнула, навалилась всем телом на подоконник и посмотрела вниз.

– Никак? – крикнула Вера в открытое окно.

– Не хочет, – устало ответил Егор и стукнул пень лопатой. – А ты что там делаешь?

– Клею твой учебник, ты что с ним сделал?

– Ничего не делал. А какой учебник?

– Математика.

– А...

Опять в груди защекотало, Вера покрутила головой, на всякий случай еще раз убедившись, что в зале одна. Чуть выпрямилась и тут же расстегнула пуговицу на юбке. Щекотка в груди усилилась.

– Ах, – как-то не сдержавшись, сказала она и тут же дернула юбку вниз.

Взрыв в паху и это нудящее состояние не то боли, не то идиотского блаженства в груди. Вера на минуту закрыла глаза и удивилась своей смелости.

– Ты там надолго?

Девочка заморгала глазами, непонимающе посмотрела вниз.

– Что?

– Я говорю, ты там надолго?

Она глубоко вдохнула и, переступив через юбку, высунулась в окно.

– Не знаю, может, с часик.

– Ну тогда ладно. Мы сейчас его вытащим и все домой. Могу зайти.

– Нет! – крикнула она. – Сюда не пускают.

– Ладно, – он отмахнулся и вернулся к своей работе: подрубать толстые корни.

Вера еще с минуту смотрела на них. Ей было все равно,

что они там делают, она просто привыкала к своему новому состоянию. Что-то глубоко внутри нее горело. Вера выпрямилась, задернула штору и, отойдя от окна, быстрыми движениями сняла с себя футболку.

– Вот дура, – прошептала вслух, ругая саму себя. Пальцы задрожали, и дышать стало тяжело. – Что я делаю?

Она опустила взгляд вниз и с каким-то любопытством посмотрела на свой голый живот. Нагнулась вперед.

– Ой, – словно увидела что-то необычное.

Опять сердце заплясало, она прижалась к стеллажу и, тяжело дыша, прикоснулась к бретельке своего лифчика. Он ей нравился, пусть тонкий, но выглядел по-взрослому, почти как у мамы. Сердце прыгало, готовое в любую секунду выскочить. Вера не стала испытывать себя, выпрямилась и, пугаясь в застежке, с трудом сняла лифчик.

– Все, – еле слышно произнесла Вера и бросила его на подоконник. – Интересно, они там? – она имела в виду мальчишек.

Ее тело вдруг скрючилось пополам, она охнула и ноги подкосились. Тяжело дыша, девочка стала оседать на пол.

Вера Степановна открыла новую папку и посмотрела на фотографию уже немолодого мужчины.

– Что ты из себя представляешь? – спросила она вслух и присмотрелась к глазам.

Ей нравилось рассматривать лица, они как карта сокро-

вищ, столько подсказок, только надо понять, что за чем идет. Почему между бровей складка, а у носа морщинка, а на виске пятнышко? Почему такой нос, губы и эти уши. Вера читала лицо и уже рисовала характер. Что за этим стоит? Напыщенное мужество, эго самца или экстаз власти?

Она закрыла папку, не все можно увидеть, всегда что-то скрыто. Вот и сейчас, кто знает ее маленькие тайны? Никто, только она. И от этого Вера Степановна начинала в душе петь, и опять эта щекотка в груди.

– Ах, – выдохнула она из себя и, подойдя к окну, посмотрела на улицу.

Вера долго приходила в себя. Не могла понять, что произошло. В какой-то момент просто потеряла контроль над временем и все, она тут на полу. Глаза хлопали, слышала крики мальчишек, они еще пыхтели над своим пнем. Вера села, повертела головой, а после встала и осторожно выглянула из-за стеллажа.

– Ни-ко-го.

Она сделала первый шаг, замерла, а после, уже осмелев, пошла вдоль коробок и столов. Так просто, твое тело открыто, его ничто не стесняет, нет комплексов, стыда, нет морали. А есть только обнаженная девочка, которая, робко ступая в сандалиях, обходила стеллаж за стеллажом.

– Как интересно, – сказала она и достала с полки тоненькую книжку с изображением черноволосой дамы. – Вот это

да, – восхитилась Вера и стала читать неизвестные ей стихи. – Прелесть.

Она положила книжечку обратно на полку и, перебежав к другому стеллажу, потянулась как можно выше, будто там скрывается что-то удивительное, то, что уже давно покрыто пылью.

Вера достала толстую книгу. «Индейцы южной Америки». Тема не столь интересная, но она взяла ее и, сев за стол, стала внимательно смотреть фотографии.

– Они такие же, как мы. Красивые.

Да, ее поразили их открытые глаза, они казались детскими на взрослом лице. Вера заулыбалась и уже хотела перевернуть страницу, как дверь в зал хлопнула. Она с проворством мышки быстро соскочила со стула и, присев как можно ниже, быстро засемила в дальний угол зала.

Вера Степановна смотрела на улицу. Подъехала маленькая машина, и полная женщина буквально выпала из нее. Улыбнулась, увидев, как она пытается закрыть дверцу, а та все время отпрыгивала, словно резиновый мячик.

В соседнем кабинете зазвонил телефон. Вера вспомнила о своей работе, отвернулась от окна и, подойдя к столику, включила чайник.

– Вер, можно? – в дверях появилась Даша из юридического отдела.

– Ты вовремя, будто ждала, что включу чайник.

– У меня на это нюх. Посмотришь?

– Что это?

– Артемьев подсунул практикантов.

– Ладно. А хорошенькие?

– Ты же замужем. Хотя не знаю, еще не смотрела анкеты.

– Шучу.

– Ну вот, а я-то подумала, что уже отстала.

На работе не так много друзей, в основном знакомые или приятели, а друзья в основном с детства или со школы.

Сердце забарабанило, Вера прижалась спиной к стене. Ей казалось, что в зале слышно, как громко оно бьётся. Хотелось провалиться на месте, но как? Раствориться как туман, но это нереально. Их было двое, по голосу Вера узнала физрука, а второй – кто-то из старшеклассников. Она внимательно слушала их шаги, вот дошли до ее стола, где она читала книгу. Что-то зашуршало, хлопнуло, какой-то непонятный скрип и громкий голос.

– Да-да, вот этот бери, и вон ту коробку еще спусти. Хорошо, а это на место поставь. Все, пошли.

Вера отсчитывала секунды. «Кажется, уходят?» – подумала она и с облегчением выдохнула. Опять эта щекотка в груди, только в этот раз она была невыносимой, буквально раздирала изнутри. Вера прижала ладони к груди, но это не помогло. Все горело, а в глазах появились темные пятна. Что-то там ныло, так нудно и в то же время так сладко, блаженно.

На лице девочки прошел испуг и появилась широкая улыбка. Она сияла, чему-то радовалась. Быстро подбежала к подоконнику и, схватив вещи и путаясь, стала натягивать юбку.

– Все, все, больше ни за что, никогда не буду. Нет, не буду.

Она дергалась, молния не хотела застегиваться, а лифчик, тот вообще ставил невыполнимую задачу. Только минут через пять она окончательно привела себя в порядок, быстро подошла к столу с книжкой про индейцев и буквально грохнулась на стул.

– Все... – выдавила она из себя.

Тишину в зале нарушил радостный крик мальчишек на улице, им все же удалось вырвать пень из земли.

– Фух, – окончательно придя в себя, произнесла Вера и, улыбкой, пошла ставить книгу на полку.

Девушка зашла в зал, где рядами стояли несколько десятков столов. Она повертела головой, выискивая среди множества сотрудников кого-то конкретного.

– Потерялись? – спросила Вера Степановна.

– Нет. А не подскажите, где мама?

– Мама?

– Ой, нет, то есть да, в общем, Маргарита... э... – девушка растерялась, стараясь вспомнить отчество своей мамы.

– Фамилия.

– Захарова.

– Рыжая и волосы во, – женщина подняла руку над головой, давая понять, что они копной.

– Точно.

– Идем на другой этаж, тут логистика, а тебе в финансовый отдел.

– Хорошо, хорошо, – и девушка быстро побежала за Верой.

– Выпускной?

– Ага. А откуда знаете? – цокая каблучками, она поднялась на этаж выше.

– Маргарита, вернее, твоя мама говорила. Значит, решила поступать в академию. Лечить решила?

– Да, наверное, мне кажется...

– Брось сомнения, просто бери и делай. Поверь, у тебя все получится. А вот и твоя потерявшаяся мама. Вон, видишь? – Вера Степановна, открыв дверь, показала на стол, что стоял у окна.

– Спасибо.

Девушка засияла от радости и, шустро проскочив между тумбочками с документами, подошла к матери и тут же обняла ее за шею. «Интересно, когда это было?» – Вера и вспомнила свой выпускной вечер.

– Ты куда пойдешь поступать? – спросила Веру Марина.

– Слушай внимательно, я буду поступать в ТГАМЭУП.

– Что? – ее брови от удивления полезли на лоб.

– В общем, это академия мировой экономики.

– Ты же хотела на юриста, как твой дядя.

– Там есть и это. А ты так и не решилась еще куда?

– Нет. Вот думаю, может в медицинскую академию, а может...

– Не дури, иди в медики, у тебя призвание, как у твоей мамы.

– Уверена?

– Да.

Наконец выпускные экзамены сданы. Света так испереживалась, что у нее поднялась температура и она два дня пролежала дома. Завтра торжественное вручение аттестатов и все, на этом их школа останется позади.

Вера радовалась, но почему-то грустила. Все изменилось, и она уже не та глупенькая девочка, что вздыхала по Димке. Он все же влюбился, только не в нее, а в Ленку. Но Вера не расстраивалась, она и сама по уши втюрилась в Руслана. Он из другого класса, но это не помешало ей впервые поцеловаться.

Любовь, любовь... Болезнь, которой наградила человека природа. Из-за этого ревнуют, врут, преследуют, бьют, но главное – ради нее творят такие прекрасные вещи, аж дух захватывает.

Вера парила всю весну, словно бабочка прыгала по ступенькам, выглядывала в окно, ожидая его появления. А Лешка, ее брат, дразнил: «Невеста, невеста. Мам, а Верка втюрилась, втюрилась». Она устала его гонять, он и сам повзрослел и стал уже засматриваться на Полину, что жила в другом конце деревни.

Завтра вручение аттестата. Что бы сделать такого?... Вера уже, впрочем, знала, что, но еще обдумывала детали. Они с мамой в ателье заказали ей платье. Вера знала, что у мамы с отцом не так уж и много денег, поэтому не стали шить платье на один вечер. Светло-голубое, в белый горошек, как маленькие лепестки. Ровный ворот с белой окантовкой, рукава чуть длиннее локтя, а длина... Хм... Намного выше коленок. Маринка, увидев его, тоже захотела такое же, но Вера показала ей кулак, дав понять, что они не близняшки.

– Ну что, готова? – немного нервно спросила ее Света.

– Да, ой, нет. Слушай, не знаю, – Вера не могла найти себе места, через десять минут все пойдут в актовЫй зал и тогда все. – Я сейчас.

– Я с тобой, – тут же Света соскочила и побежала за подружкой.

– Ой, забыла, – Вера вернулась в класс и, взяв самую что ни на есть настоящую дамскую сумочку – теперь она могла ее носить – выбежала в коридор.

Мальчики за последний год стали совсем взрослыми. Они косились на коленки девочек и как-то странно улыбались. А девушки, жеманничая, крутили бедрами и так же странно отвечали улыбками. «Дурачки», – думала Вера, заходя в кабинку туалета.

Она уже продумала все до мелочей. Щеколда закрыла дверцу. Вера отточенными движениями расстегнула пуговицу платья на спине и тихо, чтобы никто не услышал, повела собачку молнии вниз. В груди запела музыка, струны завибрировали, и щекотка коснулась ее сознания. Вера вздохнула и сбросила с плеч платье, оно повисло на бедрах. Опять улыбка. Пальцы, расстегнув замочек лифчика, тут же сняли его. Юная грудь, что еще только спела, чуть качнулась. Опять улыбка, и уже через секунду лифчик, плотно утрамбованный, лежал в ее сумочке. Приведя себя в порядок, Вера не остановилась. Дальше она сняла трусики, такие же светло-голубые, как и само платье. Все убрано, платье в порядке, нет лишних складок, только но... Да, именно это «но»

заставляло Веру сиять как солнышко.

– Ты чего? – удивилась она, когда на нее посмотрела подруга.

– Да нет, так... Идем, а то опоздаем.

Зал был почти битком заполнен. Тут и учителя, выпускники и их родители, которые не знали, то ли радоваться, что их чадо окончило школу, то ли огорчаться, что проблемы еще впереди.

– Мама, я готова, – сказала Вера и чмокнула ее в щечку.

– Прекрати, ты не маленькая.

– Да ладно тебе, мама.

Наконец началось вручение аттестатов. Завуч называл фамилию, и тут же на сцену из зала поднимался уже бывший ученик. Мальчишки, похоже, радовались больше всех, а девочки, иногда всхлипывая, благодарили учителей. Наконец Вере подошло время подняться на сцену. Она соскочила, поправляя на ходу платье, почти побежала на сцену.

Цок-цок, каблучки ее синих туфельек отсчитали ступеньки. Она радостно посмотрела в колючие глаза Ольги Павловны. Та как-то недоуменно уставилась на ее коленки, а после взгляд уперся в грудь Веры, которая в такт движениям девушки чуть подпрыгивала. Еще немного, и она бы сделала замечание и посадила девушку на место, но тут слово взяла директриса.

– Верочка, поздравляю тебя с окончанием школы. Ты чуть-чуть не дотянула до медали, но я рада за тебя.

– Аттестат вручается...

Вера уже не слушала, она взяла протянутую ей корочку, сказав огромное спасибо и тут же, минуя завуча с ее колючим взглядом, подбежала к Ирине Ивановне, ее классному руководителю и как подружку обняла. Кто-то в зале ахнул, кто-то притих от такой вольности. Но Вере было все равно, она поблагодарила своего наставника и, не задерживаясь, спустилась в зал к своей маме.

Вера Степановна хорошо помнила тот день. Столько радости, думала, что на следующее утро, как только проснется, все изменится. Но вот что должно было измениться? То же солнце, те же мамины ватрушки с творогом и корова, что уже с рассвета мычит, требуя, чтобы ее подоили.

Офис – это ее новый дом, новая клетка с жалюзи цвета бисквита. Широкий стол и несколько прекрасных кресел, собственная кофе-машина, будто у нее ресторан. Руководство посчитало, что ей полагается по должности. Куча стеллажей, сейф, кондиционер и... Что изменилось?

А что Вера хотела от будущего? Она и сама не знала. Наверное, как и все, чего-то добиться в жизни, стать независимой, сильной женщиной. И что? Что дальше? Какой в этом смысл? Вера Степановна как-то грустно посмотрела в окно, будто там и есть та самая жизнь, а тут только видимость ее успеха.

– Ты бы только видела ее, как она тебя сверлила взглядом, а Юлька готова была испепелить. А...

– Да ладно тебе, Свет, пошли, наши уже на улице, сейчас фотографировать будут.

Вера помнила свою интригу, поэтому старалась сильно не прыгать, да еще этот ветерок на улице. Девчонки только и делали, что придерживали свои юбки.

– Тебе идет, – тихо шепнула Марина Вере на ушко.

– Что? – так же тихо спросила она у нее.

– Ну, это, – и скосила взгляд на ее грудь.

– А...

– Я бы не решилась, а парни так и пялятся, ты бы видела их взгляды.

– Серьезно?

– А ты что, не заметила?

– Да как-то не обращала внимание, – и Вера тут же смеялась. – А твой Мишка все же решил уехать в Питер?

– Да, – Марина тяжело вздохнула, надеялась, что будут учиться вместе, ведь она в него вроде как влюбилась.

– Не расстраивайся, все топ-топ.

– Пойдемте, пойдете, – замахал Юрка рукой, приглашая всех присоединиться к фотосессии.

Что обычно делают, когда на руках аттестат и все уже позади? Верно! Просто гуляют, смеются и купаются в фонтанах. Но в деревне нет фонтанов, поэтому класс разбился на компании и, растянувшись вдоль улицы, все дружно пошли

к мосту, что находился на другом краю деревни. Почему-то так повелось, что все, кто заканчивал школу или женился, шли именно туда. Вставали как можно ближе к воде, опирались на перила и, бросая монетку в рыжую торфяную воду, загадывали желание.

– У кого есть лишняя монетка? – вдруг спохватилась Вика.

– Я дам тебе.

– А мне!

– У меня шесть штук.

– Тогда и мне.

– И мне.

– Ты когда уезжаешь? – спросила Света Марину.

– Уже на следующей неделе, надо документы сдать. А ты?

– Не знаю. Наверное, в среду.

Через час молодёжь дошла до моста. Все, кто их встречал, поздравляли. Малышня с завистью смотрела на голубые ленточки, где было написано заветное слово «Выпускник». Маленькие колокольчики, что были приколоты к платьям и костюмам, тихо звенели. Все подошли к перилам и, растянувшись длинной цепочкой, прижались к зеленой трубе.

– Загадала? – спросила Вера у Светы.

– Постой, постой, сейчас... Да, я готова.

– Ну, на счет три.

Все замерли и чуть наклонились вперед. Теперь все взоры были устремлены в темные воды реки.

– Раз! Два!

В это время подул ветерок, и короткий подол Вериного платья раздулся, оголив ее розовую попку. Никто этого не увидел, все смотрели вниз.

– Три!

Полетели монетки. Они тихо шлепались о воду, поднимая маленькие фонтаны темной воды. Вера покосилась в сторону, но все продолжали смотреть вниз и о чем-то перешептываться. А ветерок продолжал заигрывать с ее платьем, то прикрывая, то снова оголяя ее маленькую тайну.

Щекотка в груди то утихала, то опять начинала доставать Веру. Но ей это состояние очень нравилось, и она, смеясь, поправила платье, выпрямилась и громко закричала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.